

Джеффри Евгенидис
Девственницы-самоубийцы

Jeffrey Eugenides
The Virgin Suicides

Джеффри Евгенидис
Девственницы-
самоубийцы

роман

Перевод с английского
Анатолия Ковжуна

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)-44

Е14

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Евгенидис, Джеффри

Е14 Девственницы-самоубийцы / ДЖЕФФРИ ЕВГЕНИДИС; пер. с английского АНАТОЛИЯ КОВЖУНА. — Москва : АСТ: CORPUS, 2013. — 352 с.

ISBN 978-5-17-078623-7

Американский классик Джеффри Евгенидис получил мировое признание сразу после выхода его дебютного романа “Девственницы-самоубийцы”. “Эту книгу стоит читать. Чтобы вспомнить себя в тринадцать лет, чтобы понять, как нельзя поступать со своими детьми, когда им будет тринадцать”, — убежден автор. Главные героини романа — пять сестер семейства Лисбон (родители: религиозная фанатичка мать и безвольный отец). Тринадцатилетняя Сессилия, младшая, первая уходит из жизни. А ее ненадолго оставшиеся в живых сестры-погодки приковывают внимание окружающих. Несколько парней, превратившихся потом в стареющих мужчин, на всю жизнь влюбляются в этих красивых девчонок. Многие годы они хранят пять чемоданов с бесценными реликвиями, расспрашивают очевидцев трагедии, пытаются найти недостающие звенья головоломки, чтобы понять — почему?.. А девушки и сами всё объясняют: “Мы просто хотим жить. Если нам, конечно, позволят”. Но им не позволили..

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-078623-7

© Jeffrey Eugenides, 1993

© А. Ковжун, перевод на русский язык, 2013

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013

© ООО “Издательство АСТ”, 2013

Издательство CORPUS ®

Оглавление

Глава первая	9
Глава вторая	51
Глава третья	75
Глава четвертая	201
Глава пятая	305

Гасу и Ванде

Глава первая

В то утро, когда пришел черед последней из сестер Лисбон (на этот раз Мэри, которая, подобно Терезе, приняла снотворное) наложить на себя руки, в дом явились двое санитаров — они к тому времени совершенно точно знали, где здесь хранятся ножи, где стоит газовая плита и на какую из балок в подвале можно прицепить петлю. Они выскочили из фургона “скорой помощи”, двигаясь, по их представлениям, слишком медленно, и тот, что потолще, еле слышно выдохнул: “Это не телевизор, ребятки. Быстрее нам никак”. Он тащил на себе тяжеленный аппарат искусственного дыхания и чемоданчик с кардиологическим оборудованием — мимо чудовищно разросшихся кустов, прямо по запущенной лужайке, что была безупречно ухожена всего тринадцать месяцев тому назад, когда эта прискорбная история только началась.

Первой была Сесилия, младшая из сестер, тринадцати лет, — подражая стойкам, она перерезала вены на запястьях во время купания. Когда ее нашли лежащей в мутно-розовой воде, с желтыми белками приоткрытых глаз, как у одержимой, с окутавшим детское тело запахом взрослой женщины, санитары так были напуганы спокойствием ее черт, что поначалу просто стояли вокруг, замороженные. Но тут в ванную с воплем вбежала миссис Лисбон, и жестокая реальность вернулась на место, — с кровью на банном коврике и мраморными разводами на поверхности воды в унитазе, где утонуло бритвенное лезвие мистера Лисбона. Санитары подняли Сесилию из теплой воды, так как от нее усиливалось кровотечение, и наложили на руки жгуты. Мокрые пряди волос рассыпались по спине, а конечности уже приобрели голубоватый оттенок. Она не произнесла ни слова, но санитары, расцепив ей пальцы, обнаружили глянцевую пластиковую картинку с изображением Девы Марии, которую Сесилия прижимала к едва набухшей груди.

Это случилось летом, в сезон размножения мошкары, рыбьего лакомства; да, ежегодно в июне наш город покрывается сплошным слоем этих мелких насекомых, живущих всего сутки. Тучей они поднимаются с нашего заросшего водорослями грязного озера, закрывают собою свет, налипая на оконные стекла, выстилают живым ковром автомобили, обволакивают уличные фонари и доски

муниципальной пристани, гирляндами свисают с такелажа парусных яхт, так что яркие краски сменяются вездесущим грязно-коричневым налетом, легким, чуть шевелящимся при любом дуновении. Миссис Шир, живущая дальше по улице, сообщила нам, что видела Сесилию за день до попытки самоубийства. Девочка стояла у обочины в своем всегдашнем сшитом по старинной моде подвенечном платье с обрезанным подолом и пристально разглядывала припаркованный рядом автомобиль “тандерберд” в доспехах из мушиных телец. “Ты бы лучше сходила за метлой, дорогуша”, — посоветовала миссис Шир. Сесилия, однако, просто перевела на соседку пристальный, невидящий взгляд спиритки. “Они мертвы, — заявила она. — Они живут всего двадцать четыре часа. Выходят из яиц, совокупаются и дают дуба. У них даже нет времени перекусить”. С этими словами она сунула палец в пенистый слой роящихся на стекле мошек и вывела свои инициалы: “С. Л.”

Мы попытались разложить фотографии в хронологическом порядке, хотя из-за давности событий сделать это оказалось непросто. Качество иных оставляет желать лучшего, но, тем не менее, они о многом способны рассказать. Экспонат №1 представляет собой снимок дома Лисбонов, сделанный незадолго до попытки Сесилии покончить с собой. Автор фотографии — агент по продаже недвижимости, мисс Кармина д’Анжело, которую мистер Лисбон нанял, намереваясь продать дом,

давно ставший тесным для его разросшегося семейства. Как видите, шиферная крыша еще не потеряла ни плитки, крыльцо еще можно различить за кустами, а стекла, не заклеенные полосками липкой ленты, пока целы. Уютный пригородный дом. В окне второго этажа виднеется размытое светлое пятно, в котором миссис Лисбон признала одну из своих дочерей, Мэри. “Она взбивала волосы, потому что считала их слишком тонкими”, — заявит позже миссис Лисбон, вспоминая, как выглядела ее дочка в годы недолгого пребывания на этой земле. На фото Мэри — с феном в руках — укладывает волосы. Кажется, будто ее голова охвачена пламенем, но это всего только игра света. Было 13 июня, почти тридцать градусов тепла, и безоблачным небом правило солнце.

Довольные тем, что кровь уже не текла струйкой, а едва капала, санитары уложили Сесилию на носилки и понесли прочь из дома, к фургону на подъездной дорожке. Она была похожа на маленькую Клеопатру в царском паланкине. Первым шел веселый санитар с усищами Уайета Эрпа¹ (тот, кого по ходу трагедии в доме Лисбонов мы ви-

1 Уайет Берри Стэнт Эрп (1848–1929) — легендарный американский страж закона, ганфайтер, картёжник времён освоения американского Запада. Получил широкую известность благодаря книгам и кинофильмам в жанре вестерн. (*Здесь и далее — примеч. перев.*)

дели еще не раз и впоследствии окрестили “Шерифом”), а за ним появился и толстяк; он крепко сжимал ручки носилок и так осторожно вышагивал по газону в своих крепких ботинках, точно боялся вляпаться в собачьи какашки, — впрочем, значительно позже, когда мы поближе познакомились с медицинским оборудованием, мы поняли, что он не сводил глаз с индикатора кровяного давления. Потая и спотыкаясь, они приблизились к дрожащему, поблескивавшему на солнце фургону. Толстый санитар наткнулся на одинокие воротца для игры в крикет и, обойдя их, в отместку лягнул. Воротца подпрыгнули, разбросав землю веером, и со стуком упали на дорожку. В этот самый момент миссис Лисбон, за которой волочилась фланелевая ночная рубашка Сесилии, выбежала на крыльцо с долгим истошным криком, от которого само время прекратило бег. Все четыре фигуры застыли живописной группой между размытыми, растекшимися по небу деревьями и пыляющей, словно на передержанном фотоснимке, травой: два смиренных раба, приносящих жертву на алтарь (поднимающих носилки к зеву фургона), вознесшая факел жрица (машущая фланелевой рубашкой) и полуживая юная дева в попытке подняться на локти, с неземной улыбкой на бескровных губах.

Миссис Лисбон забралась в фургон “скорой помощи”, чтобы быть поближе к носилкам, тогда как мистер Лисбон последовал за ним в семейном

авто, не превышая предел скорости. Две дочери были в отъезде: Тереза — на собрании научного общества в Питтсбурге, а Бонни — в летнем лагере музыкальной школы, где она пыталась обучиться игре на флейте, уже успев распрощаться с роялем (слишком узкие кисти рук), со скрипкой (ныл подбородок), с гитарой (кровоточили пальцы) и трубой (вспухла верхняя губа). Мэри и Люкс, заслышав сирену, кинулись домой прямо с урока вокала, который проходил у мистера Джессапа в доме через дорогу. Влетев в забитую народом ванную, они испытали тот же шок, что и родители, при виде языческой наготы Сесилии и ее забрызганных кровью рук. Выйдя из дому, они обнялись — как раз на том клочке нескошенной травы, который Буч, мускулистый парень, подстригавший газоны по субботам, отчего-то оставил нетронутым. На противоположной стороне улицы работники Парковой службы, прибывшие в заполненном до отказа грузовике, пытались как-то помочь нашим умирающим вязам. Взвизгнула, удаляясь, сирена “скорой”, и мистер ботаник с помощниками прекратили качать насосами инсектицид, чтобы проследить за фургоном. Стоило тому скрыться из виду, и они вновь принялись распылять свои ядохимикаты. Величественный вяз, ясно различимый на заднем плане Экспоната № 1, с тех пор уступил притязаниям грибка, чьи споры разносились голландскими жуками, и был-таки спилен.

Санитары доставили Сесилию в больницу “Бон-Секурс”, что на перекрестке Керчевал и Мауми-стрит. В отделении реанимации Сесилия с жутковатой невозмутимостью наблюдала за попытками врачей спасти ей жизнь. Ее пожелтевшие глаза не мигали; она даже не вздрогнула, когда ей в руку вонзилась игла. Доктор Армонсон аккуратными стежками зачинил раны на ее запястьях. Через пять минут после переливания крови он объявил, что девочка находится вне опасности. Потрепав ее по щеке, осведомился: “Что ты здесь делаешь, милая? Ты ведь еще слишком мала, чтобы знать обо всех ужасах этой жизни”.

И вот тогда Сесилия в устной форме изложила свою единственную версию предсмертной записки, к тому же совершенно бесполезную, поскольку собиралась выжить:

— Очевидно, доктор, — сказала она, — вы никогда не были в шкуре тринадцатилетней девочки.

Сестрам Лисбон было тринадцать (Сесилия), четырнадцать (Люкс), пятнадцать (Бонни), шестнадцать (Мэри) и семнадцать (Тереза). Все они были невысокого роста, джинсы выгодно подчеркивали округлости их ягодиц, а пухленькие щечки сестер отличались тою же мягкостью. Всякий раз, когда выпадала удача мельком увидеть их лица, они казались нам непристойно открытыми, словно мы привыкли

созерцать всякий женский лик только затянутым вуалью. Никто не мог уразуметь, как же мистеру и миссис Лисбон удалось произвести на свет столь миловидное потомство. Мистер Лисбон преподавал математику в средней школе. Своей худобой он походил на подростка, сам удивляясь седине в собственных волосах. У него был высокий голос. Джо Ларсон рассказал, что, когда Люкс увозили в больницу после очередной истории с попыткой самоубийства, мистер Лисбон заплакал, — и нам не составило труда вообразить звук его девчоночьих всхлипов.

Встречая миссис Лисбон, мы всякий раз тщетно старались отыскать признаки красоты, которой она должна же была когда-то обладать. Снова и снова нас ставили в тупик эти пухлые руки, эти безжалостно обрезанные волосы, похожие на металлическую мочалку, и эти ужасные очки, которые пришлись бы к лицу разве что библиотекарьше. Увидеть миссис Лисбон нам удавалось изредка, чаще по утрам, когда она, при полном параде (хотя солнце еще не встало над горизонтом), ступала на крыльцо, чтобы подобрать запотевшие картонки с молоком, или же по воскресеньям, когда семейство отправлялось в своем автомобиле в католическую церковь Святого Павла-на-Озере. В эти утренние часы в голосе миссис Лисбон звенел лед, а сама она проявляла властность правящей королевы. Золотистая сумочка дрожала в стиснутых пальцах, когда она выискивала на лицах доче-

рей легчайшие приметы косметики, и соизволение сесть в салон автомобиля получали лишь прошедшие эту проверку. В обыкновение миссис Лисбон входило также отсылать Люк обратно, чтобы та надела блузку поскромнее. Никто из нас не посещал церковь, так что в нашем распоряжении оставалось предостаточно времени для наблюдения за семьей Лисбон: старшее поколение, два выцветших от времени фотоснимка, и пять сверкающих дочерей в самодельных платьях, сплошь кружева да оборки, пышущих свежей, наливающейся соком плотью.

Лишь однажды нога подростка мужского пола переступила порог этого дома. Питер Сиссен помог мистеру Лисбону установить в школьном кабинете вращающуюся модель солнечной системы, и в ответ математик пригласил юного помощника отобедать у него. Питер рассказал нам, что девушки пихались под столом со всех сторон, и оттого ему было невдомек, кто из них это делал. Они не сводили с него лихорадочно блестящих голубых глаз и широко улыбались, выставляя на показ тесно поставленные зубы, — единственную черту сестер Лисбон, в которой мы могли усмотреть хоть какой-то изъян. Бонни была единственной, кто не бросал на Питера Сиссена косых взглядов и не лягал его украдкой. Постепенно освобождая тарелку, она лишь вежливо отвечала на обращенные к ней вопросы, околдованная благочестием своих пятнадцати лет. После

трапезы Питер Сиссен попросил разрешения воспользоваться уборной, а поскольку в общей ванной комнате в нижнем этаже уже успели закрыться, шушукаясь и хихикая, Тереза с Мэри, ему пришлось подняться наверх, в уборную девушек. Он вернулся к нам с рассказами об изобилующих смятыми трусиками спальнях, о погибших от жара девичьих объятий мягких игрушках, о наброшенном на распятие бюстгальтере, о полупрозрачных балдахинах над пышными кроватями, о воздухе, насыщенном испарениями полудетских тел, бок о бок взрослеющих в одном тесном помещении. В уборной, пустив воду, чтобы заглушить шорохи, Питер Сиссен приступил к поискам и быстро обнаружил принадлежащую Мэри Лисбон потайную косметичку — привязанный под раковиной чулок: тюбики алой помады, дневной крем и румяна — вторая кожа, а также депиляционный воск, поведавший нам о волосках на верхней губе Мэри, видеть которые нам не доводилось никогда. Признаться, мы догадались, чье же богатство отыскал Сиссен, лишь две недели спустя, когда на пирсе перед нами предстала Мэри Лисбон с губами того алого оттенка, который идеально описал Питер.

Он перечислил дезодоранты, флаконы с туалетной водой и косметические подушечки для удаления с лица отмерших клеток кожи, и мы с удивлением узнали, что в ванной комнате не оказалось душевой кабинки; мы-то полагали,

что девочки привыкли ежевечерне принимать душ, не задумываясь, — как чистят зубы. Впрочем, через секунду разочарование было забыто: Стивен поведал нам о находке, помыслить о которой мы не могли и в самых буйных фантазиях. В мусорном ведре лежал смятый “Тампакс” с красными пятнами, едва-едва вынутый из тела одной из сестер Лисбон. Сиссен признался, что хотел захватить прокладку с собой, принести ее нам, что это никакая не гадость, а замечательная вещь, вам бы только взглянуть, что-то вроде произведения современного искусства, и потом добавил: в шкафчике он насчитал двенадцать таких же пачек. Лишь когда в уборную постучала Люкс с вопросом, не умер ли он там, Питер поспешил распахнуть дверь. Волосы девушки, за обедом собранные заколкой, теперь рассыпались по плечам. Люкс, не заходя в ванную, уставилась в глаза Питеру. Затем, расхохотавшись, словно гиена, прошла мимо со словами: “Ты закончил? Мне здесь кое-что нужно”. Направилась к шкафчику, постояла рядом с ним и сложила руки за спиной. “Это личное. Выйдешь?” — спросила она, и Питер Сиссен с пылающим лицом скатился по лестнице, поблагодарил мистера и миссис Лисбон за прекрасное угощение и поспешил прочь, чтобы сообщить нам: у Люкс Лисбон между ног течет кровь, прямо сейчас, в этот самый миг, когда небо заслонили собою полчища мошкары, а на улицах зажигаются фонари.

Когда Пол Балдино услышал рассказ Питера Сиссена, то побожился, что проберется в дом Лисбонов и станет свидетелем событий и вовсе уже немислимых. “Я увижу, как девчонки принимают душ”, — поклялся он. В свои четырнадцать Пол Балдино уже обладал отвагой гангстера и суровым обликом, унаследованными от отца, Сэмми Балдино, по кличке Акула, и от таких же крутых ребят, навевывавшихся в большую усадьбу Балдино — с двумя каменными львами по обе стороны парадной лестницы. Он двигался с плавной развязностью городских хищников, что пахнут одеколоном и имеют обыкновение делать маникюр. Мы побаивались и самого Пола, и сопровождавших его туповатых кузенов Рико Манолло и Винса Фузилли, и отнюдь не только потому, что фотографии его дома то и дело мелькали в газетах, а черные бронированные лимузины описывали круги по кольцевой дорожке, обсаженной привезенными из Италии лаврами, — но еще и оттого, что под глазами Пола лежали темные тени, ляжки его были поистине слоновьими, а начищенные до зеркального блеска ботинки он не снимал, даже играя в бейсбол. Кроме того, ему и прежде удавалось проникать в запретные места, — и пусть даже правдивость добытых им сведений не всегда внушала доверие, мы все равно пребывали под впечатлением храбрости, которую он проявил в своей вылазке. В шестом классе, когда девочки закрылись

в актовом зале для просмотра специального “секретного” фильма, именно Пол Балдино проник в кинозал и спрятался в старой кабинке для голосований, чтобы впоследствии рассказать, о чем повествует лента. Мы ждали его на игровой площадке, нервно поддавая ногами гравий, и когда Пол наконец появился, катая в уголке рта зубочистку и поигрывая золотым кольцом на пальце, затаили дыхание в предвкушении.

— Видел я кино, — объявил Пол. — Знаю, про что. Слушайте-ка. Когда девочкам бывает лет по двенадцать или вроде того... — он подался поближе, — у них кровь течет из титек.

Теперь мы уже твердо знали о лживости этих сведений, но Пол Балдино по-прежнему внушал страх и пользовался нашим уважением. Его носорожья бедра стали еще толще, тени под глазами углубились и приобрели оттенок сигарного пепла пополам с пылью, а в лице появилось нечто, намекающее на знакомство Пола со смертью. Примерно тогда же по городу пополз слухок о потайном туннеле. Несколькими годами ранее, как-то утром, за усаженным острыми пиками забором Балдино, чью неприступность хранили две совершенно одинаковые немецкие овчарки, возникла группа рабочих. Чтобы скрыть цель своего появления на территории усадьбы, они установили шесты вокруг площадки и развесили на них маскировочный брезент, а через три дня, когда его сорвали, посредине лужайки уже возвышался

искусственный ствол дерева. Цементный, выкрашенный под кору, с фальшивым дуплом и двумя воздетыми к небу спиленными ветками, что казались кульями убогого калеки. Клиновидное углубление в середине ствола прикрывала металлическая решетка.

Пол Балдино заверил нас, что это для барбекю, и мы поверили ему, но время шло, а никто не видел, чтобы хоть кто-то жарил там мясо. В газетах писали, что установка решетки для барбекю обошлась в 50 тысяч долларов, но на ней так и не приготовили ни единого гамбургера или хот-дога. Вскоре стали поговаривать, будто бы под деревом скрывался потайной ход, который вел к укрытию у реки, где Акула держал скоростной катер, и будто бы за брезентом рабочие скрывали истинную цель своих трудов. Затем, спустя несколько месяцев после появления слухов, Пол Балдино стал вылезать из чужих погребов, проникая туда по канализационным трубам. Он поднялся на поверхность в доме Чейза Бьюэлла, с ног до головы покрытый серой пылью с запахом сухого дерьма; он протиснулся в подвал Дэнни Зинна, на сей раз имея при себе фонарик, бейсбольную битку и пакет с двумядохлыми крысами; и, наконец, он вылез за паровым котлом Тома Фахима и трижды звонко стукнул в него.

Нам он всегда объяснял, что просто исследовал систему стока дождевой воды под собственным домом, но заблудился, — мы же начинали

подозревать, что на самом деле Пол забирался в отцовский потайной ход поиграть. Когда он пообещал увидеть, как сестры Лисбон принимают душ, все мы решили, что он намерен проникнуть в дом Лисбонов тем же образом, что и в другие дома. Мы так никогда и не узнали, что именно произошло. Полицейские допрашивали Пола Балдино битый час, но и они услышали то же, что и мы. Пол рассказал, что забрался в канализационный люк под фундаментом собственного дома и пошел куда глаза глядят, отдыхая через каждые несколько футов. Пол описал на удивление громоздкие трубы, оставленные рабочими кофейные стаканчики и сигаретные бычки, а также сделанные углем рисунки обнаженных женских торсов, напоминавшие наскальную живопись. Исследуя подземелья, он сворачивал наугад, а потом рассказал, что, проходя под домами разных людей, мог учуять запахи их стряпни. В конце концов Пол поднялся наверх через канализационный люк в подвале Лисбонов. Наскоро отряхнулся и отправился на поиски хозяев — но, осмотревшись, понял, что дома никого нет. Снова и снова он звал на помощь, обходя комнаты одну за другой, а затем поднялся на второй этаж. Там Полу померещился шум бегущей в конце коридора воды, и он подошел к двери в ванную. Он особо упирал на то, что постучал несколько раз. И затем Пол Балдино поведал, что, войдя внутрь, обнаружил Сесилию, голую, с кровоточащими запясть-

ями, и что, преодолев шок, помчался вниз и первым делом позвонил в полицию, ибо именно этому всегда учил его отец.

Разумеется, глянцевая карточка была первым, что нашли санитары, осматривая пострадавшую, но действовать надо было быстро, и тот, что потолще, сунул картинку в карман. Лишь в больнице он вспомнил о ней и решил отдать мистеру и миссис Лисбон. К этому времени жизни Сесилии уже ничего не угрожало, и ее родители расположились в зале ожидания, облегченно и вместе с тем сконфуженно вздыхая. Мистер Лисбон поблагодарил санитаря за спасение дочери. Затем перевернул карточку и увидел отпечатанное на обратной стороне послание:

В нашем городе появляется Дева Мария, несущая послание добра и мира гибнущей планете. Как ранее в Лурде и Фатиме, Богородица являет свое присутствие простым людям, таким же, как вы. Для получения дополнительной информации наберите 555-MARY.

Мистер Лисбон дважды перечитал эти слова. После чего голосом побежденного в неравном бою выдавил: “Мы крестили, мы подтверждали ее, и теперь она верит во всю эту дребедень”.